

ДИАЛОГ В. С. СОЛОВЬЕВА И А. А. КИРЕЕВА О ПУТЯХ И ХАРАКТЕРЕ ХРИСТИАНСКОГО ЕДИНСТВА*

Елена Бессчетнова

Высшая школа экономики, Москва

Цитирование: Бессчетнова Е.В. Диалог В. С. Соловьёва и А. А. Киреева о путях и характере христианского единства // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2(6). С. 27–36. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.6.2>.

For citation: Besschetnova, E.V. (2019), Dialog V. S. Solovyov i A. A. Kireeva o putyakh i kharaktere khristianskogo yedinstva [Dialogue between V. S. Solovyov and A. A. Kireev on the forms and character of Christian unity], in *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], no. 2(6), pp. 27–36. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.6.2>.

Идея христианского единства занимала умы многих русских интеллектуалов. Наиболее ярким примером размышлений на эту тему стали работы В. С. Соловьёва, вызвавшие бурное обсуждение как в русских, так и в западноевропейских интеллектуальных кругах. Одним из публицистов, вступивших в диалог с Соловьёвым, был славянофил генерал А. А. Киреев. Оба мыслителя говорили о необходимости поиска путей преодоления существующих противоречий в европейском обществе и осуществления Вселенской церкви. Киреев придерживался традиционной позиции славянофилов, полагая, что все русские христиане жаждут единства церкви только при условии соблюдения догматов семи вселенских соборов, и писал о восстановлении автокефальной православной церкви Запада. Соловьёв предложил теократический проект, говоря о вечном духовном Риме как центре христианского мира и о первенстве римского понтифика. В статье раскрываются основные аспекты диалога Соловьёва и Киреева на основе их переписки, публицистических статей, а также ранее не известных архивных материалов. Автор показывает, что идея призвания России восстановить единство христианского мира была центральной идеей русской религиозно-философской мысли XIX века.

Ключевые слова: христианское единство, русская мысль, Ватикан и Россия, экуменизм, В. С. Соловьёв, А. А. Киреев.

The idea of Christian unity occupied the minds of many Russian intellectuals. The most famous were the treatises of V. S. Solovyov which initiated a discussion in both Russian and Western European intellectual circles. One of the publicists who began to argue with Solovyov was the Slavophile A. A. Kireev. Both thinkers wanted to overcome the existing contradictions in the European society by organizing an ecumenical church. Kireev supported the traditional position of Slavophiles who believed that all Russian Christians would agree with the unity of the church if the only first 7 ecumenical councils articles of faith were recognized to be true, therefore he insisted on the restoration of the autocephalous Orthodox Church of the West. Solovyov proposed a theocratic project of the eternal spiritual Rome as the center of the Christian world. Thus he urged the Russian people to be the true Third Rome which would reconcile and unite the first two ones into a single whole. This article reveals the main aspects of the thinkers' dialogue dealt with the ways and character of Christian unity on the basis of their correspondence, journalistic articles, as well as previously unknown archival materials. The author shows that the idea of Russian mission to restore the unity of the Christian world was the central idea in Russian religious philosophy of the 19th century.

Keywords: Christian unity, Russian thought, Vatican and Russia, ecumenism, V. S. Solovyov, A. A. Kireev.

* Статья подготовлена в рамках исследования за счет средств гранта Президента Российской Федерации МК-3702.2019.6 «Экуменистические проекты русских мыслителей второй половины XIX в. начала XX в.» (№ 075-15-2019-1164).

Вторая половина XIX в. для русских интеллектуалов стала периодом активной полемики о характере и путях восстановления единства христианского мира. Эта задача не могла быть реализована, пока духовная основа человеческого общества – вселенская церковь – расколота.

Первыми среди русских мыслителей, кто поднял вопрос о соединении церквей и о присоединении к Риму, были П. Я. Чаадаев в своих знаменитых «Философических письмах» и иезуит И. С. Гагарин. Первой работой Гагарина на церковную проблематику стала брошюра «*La Russie sera-t-elle catholique?*», опубликованная в 1856 г. и предназначенная как для западноевропейского читателя, так и для свободно владеющей французским языком русской элиты. Основная идея Гагарина заключалась в том, что римская католическая церковь не является угрозой религиозному чувству русского народа, государственности и вере, а, напротив, есть ее надежный защитник против революционных настроений. Одновременно с этим, как отмечает исследователь творчества мыслителя, для Гагарина римская католическая церковь выступала действенной силой против авторитаризма власти в России [3, с. 5].

Напротив, Ф. И. Тютчев в статье 1849 г. «Папство и Римский вопрос» выступил критически по отношению к римской католической церкви, по мнению мыслителя, забывшей свое истинное предназначение и слишком увлекшейся борьбой за светскую власть. Тютчев все же не оставлял надежду на будущее единство христианской церкви, но при условии возвращения западной церкви к традиции церкви восточной. Церковное единство должно стать основой единства политического под эгидой русского православного императора.

Но самым ярким и известным проектом соединения церквей был, безусловно, проект В. С. Соловьева. Его обширный трактат живо обсуждался при его жизни и по сей день продолжает притягивать внимание многочисленных исследователей со всего мира [2, с. 576]. Соловьев и как философ, и как религиозный мыслитель намного опередил свое время.

В 1883 г. в газете «Русь» были опубликованы первые статьи Соловьева под общим названием «Великий спор и христианская политика». В этой работе были сформулированы основы соловьевского проекта и первые тезисы о противостоянии христианского Запада и христианского Востока, которое можно достойно и разумно преодолеть только лишь при воссоединении церквей. Само же воссоединение возможно, с точки зрения Соловьева, только при признании кафоличности и всемирности именно римской католической церкви, т. е. при условии признания именно Рима в качестве центра христианского человечества и римского понтифика – преемником апостола Петра, высшим духовным наставником вселенской церкви. Практически на протяжении десяти лет Соловьев был увлечен своим проектом соединения церквей и построения свободной всемирной теократии.

Тезис Соловьева о том, что католичество ложно в частности, но в главном оно имеет преимущество перед остальными христианскими церквями, и прежде всего перед русской православной церковью, которая, с точки зрения Соловьева, сама по себе бесценна и представляет всего лишь атрибут и «санкцию исключительного национализма», не мог

ни вызвать недовольства со стороны славянофилов. Так, в диалог с Соловьевым вступил один из близких его друзей, представитель позднего славянофильства генерал А. А. Киреев. В статье «Сущность славянофильского учения» он отметил, что «христианская вера, и притом в ее восточной православной форме, есть тот идеал, который наиболее дорог русскому народу, который для него выше всего на свете... Православная церковь наша одинаково удалена как от доведенного до абсурда авторитета римского первосвященника (непогрешимость), уничтожающего всякую нравственную свободу христианина, так и от протестантской атомизации церкви, уничтожающей всякий авторитет» [8, с. 30].

Как и в случае с К. Н. Леонтьевым, иронично называвшим проект Соловьева призывом «идти под папу», Киреев, будучи сторонником движения «старокатоликов», не принимал тезис о примате папы римского и полностью отрицал догмат о его непогрешимости, но точно так же, как и Соловьев, писал об особой задаче России и видел цель исторического процесса в создании вселенской церкви и в осуществлении на ее основе Богочеловечества.

Именно Киреев в 1878 г. организовал лекции, в рамках которых Соловьев представил свои «Чтения о Богочеловечестве», помогал Соловьеву в публикации его работ, в том числе статей по вопросу соединения церквей, теократическому проекту и национальному вопросу, и, являясь вплоть до 1892 г. адъютантом великого князя Константина Николаевича, познакомил своего друга-философа с ним [1, с. 234–235].

Иными словами, Киреев принимал деятельное участие в жизни Соловьева. Тот писал ему в 1883 г.: «Александр Алексеевич! Мне минул 31 год, и я начинаю тяготиться своей праздностью; не придумаете ли Вы мне какого-нибудь практического занятия (кроме профессорского, ибо я к нему не желаю возвращаться)?» [10, т. 2, с. 110]. Киреев даже пытался смягчить духовную цензуру в отношении текстов Соловьева и добиться разрешения опубликовать первый том «Истории и будущности теократии», изданный в 1887 г. в Загребе. В своем письме к хорватскому канонику Рачкову Соловьев отмечал: «Киреев пишет из Петербурга, что Победоносцев предлагает мне подать жалобу в Синод, находя его действия преувеличенными. Это, конечно, неискренне, но все-таки составляет благоприятный признак. Я отвечал, что если мой первый том не будет запрещен, то я этим удовлетворюсь и старых обид поминать не буду» [10, т. 1, с. 174].

Большинство исследователей отмечают, что Киреев отрицательно относился ко всем положениям проекта слияния церквей, предложенных Соловьевым, и вел с ним многолетнюю переписку-полемику. Все-таки точнее говорить именно о диалоге двух мыслителей, так как, в сущности, их идеи совпадали, хотя и были отличны по форме. Сам Киреев написал на письме Соловьева следующее примечание: «Соловьев и я совершенно одинаково смотрели на руководство церкви в делах государственных, считая влияние религии на жизнь государственную и народную законным и необходимым. При этом, однако, мы ничуть не отождествляли законное влияние церкви с клерикализмом» [10, т. 2, с. 110].

Оба мыслителя писали о необходимости духовного и культурного единства, оба полагали, что первым шагом к этому будет преодоление

разделения славян на православных и католиков. Теократический проект Соловьева начинался с тезиса, что Россия есть сила примирения для Востока и Запада в союзе вечной истины Божией и свободы человеческой. При этом «русская идея», т. е. идея, которой определяется существование России в мысли Бога, долг России перед человечеством, заключается в служении России, в осуществлении в согласии с другими народами совершенного и вселенского единства человеческого рода. Именно на реализацию этого проекта Россия должна была положить все свои национальные силы. А для этого ей необходимо было преодолеть дух национального эгоизма, что должно было быть реализовано как на религиозном, так и политическом и бытовом уровнях. Главное предназначение России, по Соловьеву, – это показать, что она действительно является Третьим Римом, который не просто исключает и заменяет первые два, но примиряет их и объединяет в единое целое. Философ писал: «Чтобы представители нашей учащей церкви не считали церковный спор Востока и Запада порешенным в смысле безусловного осуждения западной церкви, на каковое осуждение они никаких высших полномочий не имеют. Чтобы они не раздували спорных пунктов до нелепых и фантастических размеров. Чтобы они сдали в архив свое обличительное и полемическое богословие, которое выдает себя уже одним названием, и вместо судейских и солдатских отношений к западной церкви допустили родственные и солидарные отношения в сфере религиозной, богословской и церковной, оставляя мирскую политику пока министрам и генерал-губернаторам. *Нравственная перемена в нашем отношении к западной церкви будет первым шагом христианской политики, суть которой в том, что она исходит из нравственных чувств и обязанностей, а не из интереса и не из самомнения* (курсив мой. – Е.Б.). Братское отношение к западной церкви противно нашим естественным интересам и нашему самомнению, но именно поэтому оно для нас нравственно и обязательно» [11, с. 146].

На сближение с католиками Соловьев смотрел как на первый шаг в реализации славянофильского проекта Святой Руси. Интересно, что первым истинным славянофилом философ считал Юрия Крижанича, хорвата-католика, служившего при дворе царя Алексея Михайловича. Крижанич был уверен в том, что разделение церквей есть величайший грех против величайшей добродетели – любви. Вторым Крижаничем Соловьев называл епископа Штроссмайера, с которым познакомился в 1885 г. Как в России, так и в Ватикане Штроссмайера считали панславистом и русофилом. Епископ выступал за получение автономии славянскими государствами в рамках Австро-Венгерской империи и за объединение южнославянских народов в единую федерацию, был лидером «Народной партии». Штроссмайер был одним из тех представителей католического духовенства, через которых о Соловьеве узнали в Ватикане [4, с. 46–63]. Епископ направил папе римскому Льву XIII первое издание «России и Вселенской церкви» 1889 г. Экземпляр с дарственной надписью Штроссмайера в настоящее время хранится в Ватиканской апостольской библиотеке [14]. Киреев также находился в контакте с Штроссмайером, но в отличие от Соловьева хорватский епископ его интересовал как человек,

выступивший на Ватиканском соборе 1870 г. против принятия догмата о непогрешимости папы. Для Киреева это был знак усиления позиций старокатоликов в славянских землях. Однако сам Штроссмайер в личном разговоре с Соловьевым, содержание которого последний передал Кирееву в своем письме из Хорватии в 1886 г., считал себя «добрым католиком», о чем «свидетельствует его подчинение ватиканскому решению, несмотря на заявленное им прежде личное мнение о несвоевременности этого решения» [10, т. 2, с. 125].

Тем не менее, Киреев установил связи со старокатоликами еще в 1870-х гг., он принял активное участие в 1872 г. во Втором старокатолическом конгрессе, а также посетил старокатолический конгресс 1892 г., печатался в журнале старокатоликов «*Revue internationale de Theologie*». Киреев видел в акте их отделения от Рима исторический шанс, который мог стать движущей силой воссоединения всех христиан. Основным условием примирения церквей Киреев считал восстановление автокефальной православной церкви Запада, поэтому в деле старокатоликов, которые отделились от «непогрешимого папы», он видел первый шаг к воссоединению с православием «путем возвращения к догмату древней неразделенной церкви» [8, с. 47].

Соловьев в письме Кирееву от 12 ноября 1883 г. обозначил свою позицию по отношению к старокатоликам следующим образом: «Наших старокатоликов можно, конечно, сдать в архив, тем более что Вы совершенно правильно сводите вопрос о старокатоликах к более общему вопросу о “ватиканских догматах”. Здесь наше принципиальное разногласие во всем этом деле. По Вашему, эти новые догматы, т. е. “*infallibilitas*” и “*immaculata conceptio*”, к которым Вы присоединяете также “*filioque*”, составляют ересь и лишают католичество значения церкви в истинном смысле этого слова. По-моему, эти догматы и не новы, и никакой ереси ни по существу, ни формально в себе не заключают, а, следовательно, и не могут отнимать у католичества характера истинной церкви, так как истинная церковь не зависит от большего или меньшего прогресса в раскрытии и формулировании догматических частных, а зависит от присутствия апостольского преемства, от православной веры во Христа как совершенного Бога и совершенного человека и, наконец, от полноты таинств. Все это одинаково находится и у нас, и у католиков, следовательно, и мы и они составляем вместе единую святую кафолическую и апостольскую церковь, несмотря на наше историческое временное разделение, не соответствующее истине дела и тем более печальное» [10, т. 2, с. 105].

Если Соловьев призывал ради всеединой христианской универсальной идеи и торжества вселенской церкви подняться над догматическими различиями и в какой-то степени даже пожертвовать национальными интересами, то Киреев такой подход считал неприемлемым. Он настаивал на необходимости «церкви, неизменной в своем божественно-установленном учении» [7, с. 30], и добавлял, что именно такая церковь «превращает политическое Российское государство в “Святую Русь”, то есть в государство-церковь, чем наше отечество и должно оставаться вечно и неизменно» [7, с. 30].

Кроме того, Киреев мессианскую обязанность России видел не в служении делу объединения на основе всечеловеческой любви, а в обязанности быть проводником своих религиозных и политических идеалов. Эту идею Киреев отстаивал не только в публицистических работах, но и в военной и гражданской службе. Он был одним из основателей «Общества духовного просвещения», а также председателем отдела общества для поддержки православия за границей, открытого по инициативе святейшего правительственного синода. Киреев находился в постоянном контакте с обер-прокурором синода К. П. Победоносцевым. Соловьев за близость к официальной церкви империи иронично сравнивал Киреева с Великим инквизитором Достоевского. Одно из своих писем к В. Л. Величко он закончил следующим образом: «Dixi, как бы сказал генерал Киреев» [10, т. 3, с. 224]. В свою очередь, Киреев в статье «Народность и Рим» не менее иронично отозвался о проекте Соловьева, назвав его «призванием Рюрика из Ватикана», и ответил на тезисы Соловьева, что русская церковь больна и погрязла в пороках национализма следующим образом: «Когда осиротевшая Россия после междуцарствия захотела избрать себе царя, она не обратилась к заморской помощи, а остановилась на русском юноше, связанном узами родства с ее царским домом, и отклонила навязчивые предложения соперников-варягов... Последуем лучше этому примеру; постарайтесь найти у себя средства для уврачевания недугов нашего общества и нашей церкви, постарайтесь сами, без посторонней помощи, улучшить положение нашей иерархии, усилить ее колебленный авторитет» [8, с. 245].

Интересно, что Киреев продолжил свой спор с Соловьевым о возможных путях соединения церквей и в период, когда сам Соловьев уже в католичестве отчасти разочаровался и все свои силы бросил на разработку основ нравственной философии. Дело в том, что в 1894 г. папа римский Лев XIII опубликовал энциклику «*Praeclara Gratulationis Publicae*» о соединении церквей, в которой при доказательстве примата римского понтифика и необходимости единства церкви прослеживаются логика и аргументы Соловьева. Журнал «*Moniteur de Rome*» опубликовал несколько статей, в которых было озвучено предположение, что сближение со святым престолом может способствовать укреплению монархической власти в России. Журнал «*Les Echos d'Orient*» опубликовал статью, в которой в рамках разбора папской энциклики присутствовали ссылки и на идеи Соловьева. Данная энциклика была переведена с латыни на греческий, французский, арабский, русский и итальянский языки. В Российской империи энциклика была издана в 1895 г. на арабском языке в Казани в типографии императорского университета [13, с. 110], а также в переводе А. П. Лопухина на русский язык в формате отдельной брошюры с приложением трех дополнительных аналитических статей («Разбор энциклики» А. А. Киреева, «Смысл предлагаемого нам воссоединения» проф. А. П. Лопухина, «Возможные результаты воссоединения с Римской церковью» проф. А. Диомида-Кириака) [13, с. 14].

В предисловии к публикации энциклики-призыва Льва XIII к воссоединению было сказано следующее: «Изданная папой Львом XIII энциклика, содержащая в себе призыв к соединению церквей, представляет

собою документ, который, каковы бы ни оказались его последствия, во всяком случае, заслуживает серьезного внимания. В наше время, требующее глубокого духовного врачевания от удручающих народы бедствий, нельзя равнодушно относиться к попыткам так или иначе помочь человечеству в его духовной нужде, и если попытка затрагивает такой важный вопрос, как вопрос о соединении разрозненных сил христианского мира в единую церковь Христову, что составляет предмет повседневных молитв святой православной церкви, то она, во всяком случае, достойна внимания как христиан вообще, так и православных в особенности. Если даже настоящий призыв к единению исходит от первосвященника, являющегося главным виновником печального разделения церквей, то интерес его не только не ослабевает, а еще в некоторых отношениях усиливается, так как дается возможность выслушать голос самого виновника разделения, который, если сам не сознает вины, то другим предоставляет полную возможность высказать те данные и соображения, которые могут повести к разъяснению спорных пунктов, разделяющих христианский мир на враждебные лагеря» [13, с. 15].

В статье «Разбор энциклики папы Льва XIII» от 20 июня 1895 г. Киреев, с одной стороны, высоко оценил стиль энциклики и ее основной пафос призыва к единству божественной веры и признания Востока христианского мира колыбелью спасения человеческого рода. Но при этом ясно высказался против самой идеи воссоединения на условиях признания примата римского понтифика. Киреев использовал свой стандартный аргумент, которым оперировал также в споре с Соловьевым: «Мы видим, что энциклика Льва XIII скрывает (и нужно сказать – с замечательной дипломатической ловкостью) те обязанности, которые мы приняли бы на себя, если бы неосторожно согласились признать папу главою нашей церкви. Он толкует нам о своей отеческой любви, о своем бескорыстии, он предлагает нам лишь сыновнее подчинение; на деле же выходит, что он предлагает нам худшее из всех рабств, рабство нравственное! Он не тело наше хочет поработить, но самую душу, которую он хочет лишить религиозной свободы» [6, с. 587]. Также Киреев скептически отнесся к ссылкам на работы Соловьева в ватиканской прессе в рамках обсуждения папской энциклики. По сути, генерал продолжал придерживаться традиционной позиции славянофилов, что все русские христиане жаждут единства церкви, но только при условии, что будут соблюдены догматы семи вселенских соборов.

Чуть позже вновь в журнале «*Moniteur de Rome*» была опубликована статья «*Une partie d'opposition a l'union des Eglises*», в которой подчеркивалось, что воссоединение Востока и Запада – вопрос современный и очень важный и что православные церкви могут выйти из своих затруднений лишь с помощью папы, соединившись с его церковью. Формально статья вслед за энцикликой папы повторяла основные положения теократического проекта Соловьева.

Но все-таки главной ее целью была критика деятельности официальных церковных и политических лиц Российской империи, которые выступали против инициатив Льва XIII и правительства Александра III по восстановлению дипломатических отношений между святым престо-

лом и Российской империей. Речь, прежде всего, шла о действиях К. П. Победоносцева, который после публикации энциклики папы Льва XIII объявил в английском «Review of Reviews», что «русский народ никогда не согласится надеть на себя ярмо папского авторитета» [5, с. 10]. С ответом на статью в «Moniteur de Rome» выступили славянофилы, Киреев в том числе. Он опубликовал статью «Ответ “Moniteur de Rome”», в которой отметил, что «вопрос идет о догмате, о том, что составляет именно сущность веры. Папа берется защитить нас от государства – прекрасно; но кто защитит нас от папы? от его новых еретических догматов? Ответ не может подлежать сомнению: Никто! Государство, мир, пользуясь своей материальной силой, могут совершать разные беззакония в области церковной жизни, оно окажется бессильным в области веры, оно не имеет ни права, ни возможности изменять веру, а папа имеет и то, и другое» [5, с. 28]. В. В. Розанов очень точно написал о такой позиции славянофилов: «Там все поглотил папа: начала соборности там не существует вопреки нам, у которых начало соборности сохранено» [9, с. 223]. Что касается Соловьева, то в 1897 г. он направил в редакцию газеты «Новое время» письмо, в котором попытался пояснить свою позицию по отношению к католицизму: «Никакой внешней официальной унии с Римом я никогда не предлагал, во-первых, потому, что считаю ее невозможной, во-вторых, потому, что нахожу ее нежелательной и, в-третьих, потому, что никаких полномочий для переговоров с ней никогда не имел от держащих властей с той или другой стороны. Принадлежащее всякому христианину полномочие, о котором говорит ап. Иоанн Богослов, побуждает меня судить о междуцерковных отношениях лишь в том смысле, в котором согласны ли они с духом Христовым. Как явно чуждые этому духу, они не могут быть признаны нормальными. Целое тысячелетие таких антихристианских отношений неизбежно породило кучу всяких недоразумений и предвзятых мыслей, и первый практический шаг к тому, чтобы поставить церковное дело на истинно христианскую почву, есть открытое, всестороннее и безбоязненное обсуждение всех религиозных и церковных вопросов, а для этого необходима у нас, прежде всего, полная свобода богословского и церковно-исторического исследования, без чего невозможно правильное внутреннее движение религиозной мысли и чувства. Без такого движения духовная жизнь общества слабеет, а при духовном сне что может дать наружное, формальное соединение церквей, кроме лишнего кошмара?» [10, т. 3, с. 183].

Киреев, с одной стороны, был рад этому, но хотел, чтобы Соловьев отказался полностью от своих предыдущих взглядов и призвал его к дискуссии на страницах «Нового времени». В итоге Киреев резюмировал по поводу взглядов Соловьева: «Итак, мы видели: 1) что г. Соловьев признает непогрешимого папу главой всей церкви и верховным судьей в делах веры; 2) что он полагает, что Россия (славянский мир) должна отдать себя в распоряжение этого папы» [1, с. 237]. По своей сути, с точки зрения Киреева, это и был призыв к фактической унии с Римом.

За дискуссией Соловьева и Киреева следили многие интеллектуалы, которые так или иначе были вовлечены в решение церковного вопроса. Известно, что о ней сообщили кардиналу статс-секретарю святого пре-

стола. Э. Яроширински, польский католический священник и исследователь, направил в Ватикан подробный реферат о противоречиях во взглядах Киреева и Соловьева [12], где вкратце изложил основные аргументы обоих, опубликованные в газете «Новое время». Во введении к реферату Яроширински подчеркнул, что Киреев и Победоносцев высказывают позицию русского народа и православной церкви и настаивают на сохранении национального элемента в церковной жизни в ущерб элементу универсальному, что и критикует Соловьев. В своем сопроводительном письме Яроширински отметил, что направляет резюме интереснейшей дискуссии Соловьева и генерала Киреева, которая, как он считает, вызовет живой интерес его высокопреосвященства [12, с. 39].

Стоит отметить, что Киреев в споре с Соловьевым и в своей деятельности оказался гораздо реалистичнее и практичнее своего младшего друга, который проект свободной всемирной теократии пересмотрел в последней работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Но, несмотря на это, его первоначальный оптимизм относительно скорого воссоединения Востока и Запада вдохновлял многие поколения русских философов.

Литература

Исследования

1. Медоваров М.В. К истории взаимоотношений А. А. Киреева и Вл. С. Соловьева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 234–235.
2. Оболевич Т. Метафизические основания экуменического проекта Владимира Соловьева // Богословие. Культура. Образование. 2014. Т. 18. № 4. С. 576–586.
3. Beshoner J.B. Ivan Sergeevich Gagarin: the search for Orthodox and Catholic union. South Bend: University of Notre Dame Press, 2002.
4. Besschetnova E. The idea of Christian unity at the end of the nineteenth century (the case of Vl. S. Solovyov) // Church History and Religious Culture. 2019. No. 99. P. 46–63.

Источники

5. Киреев А.А. Избранные труды. Ч. 2: Политика и полемика. СПб.: А. С. Суворин, 1912.
6. Киреев А.А. Папская энциклика о соединении Церквей, ее текст и два православных отзыва о ней // Киреев А.А. Учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 540–572.
7. Киреев А.А. Сущность славянофильского учения // Киреев А.А. Учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 91–113.
8. Киреев А.А. Народность и Рим // Киреев А.А. Учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 248–254.
9. Розанов В.В. Лев XIII и католичество // Розанов В.В. Около церковных стен. Т. 2. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906.
10. Письма Владимира Сергеевича Соловьева. В 3 т. / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1908–1909.

11. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. и с прим. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Т. 1. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911.
12. Affari ecclesiastici straordinari (AA.EE.SS.) Russia-Polonia, pos. 778, fasc. 248, ff. 36r–44v.
13. Archivio Segreto Vaticano (ASV) Segr. Stato, Spoglio Leone XIII 87, fasc. 559.
14. Biblioteca Apostolica Vaticana (BAV) RACC. GER. Storia V. 1752.

Besschetnova, Elena V. *Dialogue between V. S. Solovyov and A. A. Kireev on the forms and character of Christian unity*

References

1. Medovarov, M.V. (2010), K istorii vzaimootnosheniy A. A. Kireeva i Vl. S. Solovyova [On the history of relations between A. A. Kireev and Vl. S. Solovyov], in *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], no. 1, pp. 234–235.
2. Obolevich, T. (2014), Metafizicheskiye osnovaniya ekumenicheskogo proekta Vladimira Solovyova [Metaphysical foundations of Vladimir Solovyov's ecumenical project], in *Bogosloviye. Kul'tura. Obrazovaniye* [Theology. Culture. Education], vol. 18, no. 4, pp. 576–586.
3. Beshoner, J.B. (2002), *Ivan Sergeevich Gagarin: the search for Orthodox and Catholic union*, University of Notre Dame Press, South Bend.
4. Besschetnova, E. (2019), The idea of Christian unity at the end of the nineteenth century (the case of Vl. S. Solovyov), in *Church History and Religious Culture*, no. 99, pp. 46–63.